

Librarium

**JOHN STUART
MILL**
AUTOBIOGRAPHY

ДЖОН СТЮАРТ
МИЛЛЬ
АВТОБИОГРАФИЯ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 82-94
ББК 87г(3) Д. С. Милль
М60

Перевод с английского Г. Е. Благовестлова

Милль, Джон Стюарт

М60 Автобиография. История моей жизни и убеждений / Д. С. Милль ; [пер. с англ. Г. Е. Благовестлова]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 384 с. — (Librarium).

Джона Стюарта Милля в наше время назвали бы вундеркиндом — в три года он начал учить классический греческий язык, в двенадцать лет приступил к изучению высшей математики, химии, логики и политической экономии, к четырнадцати годам образование будущего философа сочли законченным.

В то же время в жизни Милля не было детских развлечений и друзей-ровесников, он рос физически слабым мальчиком. Юношеские невзгоды вылились в душевный кризис, выход из которого виделся Миллю в самоубийстве. Однако перелом в жизни Джона Стюарта, который он так ярко описал в своей «Автобиографии» изменил отношение Милля не только к собственной жизни, но и к жизни общества в целом.

УДК 82-94
ББК 87г(3) Д. С. Милль

Мое детство и первоначальное воспитание

В начале этого биографического опыта я должен указать на те причины, которые побудили меня оставить по себе воспоминание о своей жизни, лишенной всяких интересных событий. Я ни минуты не останавливаюсь на мысли, что то, о чем я буду рассказывать, может возбудить интерес читателей прелестью ли рассказа или в силу того, что дело идет лично обо мне; но думаю, что в то время, когда воспитание и способы, стремящиеся к его улучшению, служат предметом наиболее постоянного, если не самого глубокого изучения, какое когда-либо проявлялось в Англии, полезно нарисовать картину воспитания, резко выступавшего из обычной колеи и замечательного во многих отношениях. Это воспитание, каковы бы ни были его послед-

ствия, доказало, что возможно преподавать, и вполне успешно, детям более обширные познания, чем обыкновенно думают, в течение тех первых лет жизни, которые почти всегда пропадают даром при обычных теориях воспитания. Мне также кажется, что в такую переходную эпоху, как наша, когда мнения подвергаются кризису, было бы одинаково интересно и полезно отметить фазисы, которые переживал ум, стремившийся постоянно вперед и настолько же быстро изучавший, как и забывавший изучаемое под действием своих собственных идей или под влиянием чужих. Но побуждением наиболее могущественным, нежели все остальные, является желание открыто засвидетельствовать, насколько я обязан своим моральным и интеллектуальным развитием лицам, из которых одни уже известны миру, другие заслуживают более близкого знакомства с ними. Между последними есть один человек, которому я обязан более, чем кому-либо, и которого свет еще не имел случая оценить. Читатель, не интересующийся такими мелочами, должен винить самого себя, если он будет продолжать чтение этой книги. Я прошу его только не забывать того, что эти страницы написаны не для него.

Глава I

Я старший сын Джемса Милля, автора «Истории английских владений в Индии», и родился в Лондоне 10 мая 1806 года. Отец мой, сын небогатого купца, содержавшего, кажется, также небольшую ферму в Норсватер-Бридж в графстве Ангус в Шотландии, своими способностями привлек на себя внимание сэра Джона Стюарта из Феттеркерна. Последний поместил его в Эдинбургский университет на счет фонда, который основали леди Джейн Стюарт (его жена) вместе с несколькими другими дамами для образования молодых людей, предназначенных к церковной деятельности. Отец мой прошел там курс и получил звание проповедника, однако не вступил на духовное поприще, хорошо сознавая, что он не может верить в доктрины Шотландской церкви, равно как и в уче-

ния других церквей. В течение нескольких лет он исполнял обязанности наставника в некоторых шотландских семьях, между прочим у маркиза Твиддаля, затем переселился на постоянное жительство в Лондон и там занялся литературой, зарабатывая исключительно пером средства к жизни, пока не получил место в Ост-Индской компании.

Этот период жизни моего отца представляет два обстоятельства, невольно поражающие всякого: одно, к несчастью, очень обыкновенное; другое, напротив, из самых редких. Во-первых, отметим, что при своем положении без всяких средств к жизни, кроме ненадежного заработка от статей, которые он писал для периодических изданий, он женился и имел много детей. Это вполне шло вразрез с мнениями, которые он энергично исповедовал, особенно в последний период своей жизни. Во-вторых следует отметить необыкновенную энергию, нужную ему, чтобы вести жизнь при неблагоприятных условиях, в которые он был поставлен с самого начала и которые еще более усложнил своей женитьбой. Для доказательства этого было бы достаточно того факта, что он удовлетворял с помощью литературных занятий собственным нуждам и нуждам семьи

в продолжение многих лет, никогда не делая долгов и не испытывая денежных затруднений. И притом он исповедовал публично такие политические и религиозные убеждения, которые, особенно в то время, были наиболее ненавистны влиятельным людям и вообще всем благоденствующим, чем в какую-либо предшествующую и последующую эпоху. Ничто не могло заставить его писать против убеждений; напротив, он не пропускал случая проводить свои идеи в сочинениях, насколько это позволяли обстоятельства. Надо также сказать, никогда он не делал ничего небрежно и, взявшись как за литературную так и за всякую работу, добросовестно исполнял ее. Под бременем таких забот набросал он план своей «Истории Индии», которую он начал и закончил в течение десяти лет, между тем как авторы, ничем другим не занятые, употребляли больше времени при составлении исторического сочинения такого же объема и солидности только на подготовительные работы. Прибавьте к этому, что большую часть дня он посвящал образованию своих детей, в особенности на меня положил много труда, забот и настойчивости, чтобы дать мне, согласно своим убеждениям, самое высшее умственное образование.

Отец мой, неуклонно следовавший своему правилу — не терять времени даром, естественно проводил его на деле и в воспитании своего ученика. Я не помню, когда начал изучать греческий язык; могу только предположить, что мне было тогда три года. К самым ранним воспоминаниям относится изучение наизусть того, что мой отец называл вокабулами, т. е. столбцов греческих слов с переводом их на английский язык, которые он писал исключительно для меня на отдельных листках. Из грамматики я изучил только окончания имен существительных и глаголы. Затем, после заучивания вокабул, отец прямо перешел к переводам, и я смутно помню, что первая книга, прочтенная мною, была «Басни Эзопа», вторым сочинением было «Анабазис». По-латыни я начал учиться только в восемь лет. В эти года я уже прочел под руководством отца некоторых греческих прозаиков; между ними, помнится мне, почти всего Геродота, Киропедию, беседы Сократа, несколько жизнеописаний философов у Диогена Лаэртция, часть произведений Лукиана и «Ad Demoniacum» и «Ad Nicoclem», Исократ. В 1813 году я прочел также шесть первых диалогов Платона (в принятом порядке) от Эфтифрона до Феоктета включи-